

© 1996 г.

В.А. ЯДОВ

РОССИЯ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*ЯДОВ Владимир Александрович - доктор философских наук, профессор, директор
Института социологии РАН.*

Будущее России немислимо вне общемирового контекста, вне общемировой системы. Вместе с тем наше будущее детерминировано нашим прошлым, т.е. всей совокупностью особых социальных структур и культуры России, советского и постсоветского общества.

Современная мировая система - продукт развития мирового капитализма. Прогноз Маркса - Ленина о преобразовании этой системы революционным путем в систему мирового социализма и далее в коммунистическую глобальную систему исторически не подтвердился.

Теоретическая социология, представленная в работах Мартина Элброу, Эммануила Валлерстайна и других теоретиков, выделяет следующие главные особенности развития мировой системы.

В теории Э. Валлерстайна современная мировая система - это прежде всего продукт всемирного экономического рынка. Империи прошлого, опиравшиеся на силу оружия и государства, уступили место империи капитала. В мировой экономической системе, согласно теории Валлерстайна, экономически продвинутые страны образуют ее «ядро», а слаборазвитые - периферию. Между ядром и периферией находятся страны и государства, которые временами могут приближаться либо к лидирующим странам, либо оттесняются на периферию. Но, по принципу апостола Матфея, сохраняется правило: «Богатые богатеют, бедные - беднеют».

Бразильский социолог Фернандо Кардозо (ныне - президент страны) предложил иную модель развития мировой системы: процесс зависимого развития стран-лидеров. Для экономического развития лидеров непременным условием становится «подтягивание» экономики и культуры менее развитых стран, что в свою очередь является одним из условий общего развития.

Критики Э. Валлерстайна (и он сам в последних работах) вносят существенные поправки в первоначальную теорию этого ученого. Мировая экономическая система формируется сегодня как состоящая из крупных региональных подсистем: Северная Америка, Европа, страны дальневосточного региона (Япония и «тигры» в центре) и в

этом ряду - Россия и ее регион (СНГ, другие государства и народы, тяготеющие к России прежде всего экономически).

М. Элброу, английский социолог, обращает внимание на то, что процесс глобализации перерастает в процесс мировизации. Это означает, что мировая система как система социальная не может рассматриваться лишь в качестве продукта мирового рынка. В ней начинают действовать все другие общемировые структуры и взаимосвязи: коммуникационные, политические, культурные и собственно социальные. «Собственно социальное» состоит в том, что все элементы мировой системы, все «акторы» (социальные субъекты) взаимодействуют на основе определенных «экспектаций» - ожиданий со стороны других социальных субъектов (государств, организаций, представителей иных культур и образа жизни и т.д.).

В этом схематическом наброске состояния мировой системы будущее России, на мой взгляд, определяется:

а) собственным потенциалом России как общества и государства (экономика, природные ресурсы, человеческий потенциал, культура и т.д.);

б) способностью России реализовать возможность становления центром особого во всемирной системе геоэкономического, геополитического, геокультурного, геосоциального, геоисторического региона.

Практически это означает отказ от концепции сверхдержавы (рудимент имперской идеологии удержания контроля над системой с помощью силы) и осуществление стратегии долгосрочной национальной политики в качестве великой державы, а лучше сказать, лидера субмировой системы или субглобальной системы.

Такая перспектива, мне кажется, представляется наиболее реальной.

Необходимо оказывать активное сопротивление «макдонализации» культуры, но не противиться, а напротив, содействовать взаимопроникновению западной и восточной культур с их различиями в тяготении к рациональному или же образно-чувственному. Важно активно осваивать социологическую традицию Европы (где общесоциальная теория и социальная философия всегда играли большую роль в образовании социальных исследователей), не поддаваться соблазну «модернизации» исключительно по-американски, что в нашей отечественной социологии означает развитие науки прежде всего как способной решать конкретные социальные проблемы (проблемно ориентированная социология).

Теоретизирование в парадигме «индустриальное» - «постсовременное», «постиндустриальное» общества - не самый надежный путь. Каждое общество (Россия — не исключение) входит в мировую систему своим особым способом и формирует свое особое будущее. Возможно, что рациональный человек, рациональное человечество - это наше общее будущее. Сегодня мы являемся не только свидетелями Боснии, Чечни и авантюрного рынка, но и многого другого. Российская социология должна отвечать социальному запросу российского общества: да, уметь решать «насуточные проблемы», но не забывать о проблемах вечных: что есть общество, каково его будущее.

В мировом пространстве Россия развивается как особая социально-культурная целостность. Культурные особенности прошлого и историческое наследие советского периода создают связку черт общества, делающего его неповторимым. Концепция модернизации России, т.е. реформации на основе некоторых как бы универсальных параметров сомнительна, ибо не существует универсальной шкалы универсальной рациональности, потому что человеческие индивиды и их сообщества отличаются от технических систем, где взаимодействие двух и более элементов описывается как однозначное.

Общество переживает период радикальных изменений (Р. Дарендорф назвал этот процесс рефлюцией). Российско-советское прошлое влияет на сам процесс реформации и его результаты. По существу мы участвуем в событиях, в процессе которых социальные субъекты, сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, призваны выстраивать новые формы социальной организации и социальных

отношений. Маркс писал: люди рождаются при одних обстоятельствах, но своей практикой изменяют и преобразуют формы своего социального бытия. Современная «деятельностная» социология (А. Гидденс, М. Арчер, П. Штомпка и др.) интенсивно разрабатывает эту идею Маркса, пытаясь ее концептуализировать так, чтобы довести до состояния приложения к эмпирическим исследовательским процедурам. Примечательно, что в современных общесоциологических теориях «деятельностного» направления используются новые термины, долженствующие обозначить эту трудно уловимую обоюдонаправленную связь между субъектами деятельности и социальными структурами. М. Арчер употребляет понятие «конфляция» [заимствованное из лингвистики и обозначающее создание нового слова из корней двух известных ранее («революция» у Дарендорфа)], П. Штомпка пишет о том, что имеет место «интерфейс» во взаимодействиях социальных структур и социальных деятелей. [«Интерфейс» - термин компьютерного языка, обозначающий способность двух разных систем к совместному оперированию].

Наше прошлое, т.е. культура и формы социальных взаимосвязей, в которых мы взрастали (проходили социализацию), и та система социальных институтов, которая отвечает рыночной экономике и демократическому обществу, должны как бы войти в состояние интерфейса, раскрыться друг другу, чтобы обеспечить оптимальное развитие общества и притом в глобальном контексте, в мировом социальном пространстве. Проблема не в том, чтобы «вписаться» в заданное пространство, но достичь взаимосогласованности в широком социально-экономическом и социально-культурном смысле. То, что происходит в России и других странах, осуществляющих реформы, изменяет и общемировые структуры социального взаимодействия.

Есть тенденции, естественные для переломного периода: в поисках исторической опоры обращаются к архаическим структурам, например, к воссозданию сословий, к религии. Как социологи, мы можем это объяснить, но вместе с тем можем и усомниться в потенциальных способностях таких структур содействовать развитию общества в длительной временной перспективе.

Исследования особых черт российского национального характера и советского характера выделяют как одну из доминирующих коллективизм. Коллективизм в концепции модернизации противопоставляется рациональному индивидуализму, индивидуальной конкурентноспособности. Но возможен и такой способ движения к рыночной экономике и демократии, при котором корпоративные сообщества (отличающиеся от коллективов лишь тем, что позволяют свободный выход из корпорации) выступают активными субъектами социальных действий. Коллективизм обладает повышенным мобилизационным потенциалом. Культура народов Дальнего Востока, преуспевающих в мировом рынке, не отличается западно-европейским индивидуализмом. Олег Хархордин доказывает, например, что корпоративная солидарность старороссийских купцов и заводчиков опиралась на эту черту национального характера. Почему не предположить, что сегодняшние «разборки» в среде «новых русских» по мере укрепления правопорядка приведут к формированию солидарных корпораций, способных к рациональному хозяйствованию и торговле? Нечестных купцов и в дореволюционной России карали не только законом и презрением гильдии, но и путем рукоприкладства.

Л. Касьянова убедительно доказывает, что в русском национальном характере есть особо выраженная способность к долготерпению во имя высокой цели, идеи. Опыт двух отечественных войн, наша недавняя история подтверждают правомерность такого утверждения. Ко всему прочему можно добавить, что одно из условий успешного преодоления переходного периода - это обретение некоторого идеала, что выводит общество из состояния ценностно-нормативной аномии.

Наше общество дезинтегрировано не в последнюю очередь вследствие глубокой деидеологизации. Место рухнувшей идеологии не может оставаться незаполненным. Сегодня мы наблюдаем, насколько активно используются в предвыборной борьбе именно идеологические символы: социализма, национализма, великодержавности. Одно

из слабых мест демократического крыла — отсутствие идеологии. Перестройка выдвинула идею общечеловеческих ценностей, но эта идеология была отторгнута вместе с ее носителями. Как верно замечает Б. Капустин, идеологию невозможно внедрить в массы, если она не прорастает в культуре. Современное российское общество мучительно возвращает идеологию, способную его консолидировать. Вполне очевидно, что такой идеологией не может стать идея рыночной экономики (рынок — не цель, но лишь средство). Идея прав человека не нашла опоры в массах российского общества. Российское общество потенциально способно консолидироваться на основе идеологии социальной справедливости.

Потребуется не слишком много исторического времени для того чтобы эта идеология обрела должную социокультурную форму (без ассоциаций с коммунизмом и национализмом) и мобилизующую политическую организацию в виде партии или движения.

Российское будущее в мировом сообществе мне представляется в образе великой державы (не сверхдержавы), составляющей ядро общемирового геополитического, геоэкономического, геосоциального, геоисторического, геокультурного субпространства. Российская реформация будет успешной при условии оптимального совмещения существующих российских социально-культурных реалий с особенностями общемирового процесса.